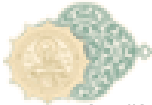


## О причинахъ современнаго невѣрія <sup>1)</sup>.

Невѣріе—фактъ слишкомъ сложный и трудно указать всѣ его причины. Восполняя сказанное, мы не можемъ не обратить вниманія на слѣдующее.

Распространеніе невѣрія страшно, но оно еще не такъ губительно, если проводникомъ его является положительная наука съ ея эволюціонными теоріями, ибо наука составляетъ, во всякомъ случаѣ, достойнѣе сравнительно немногихъ. Но нынѣ грубое надругательство вѣры совершается чрезъ посредство искусства, частію художественной литературы, которая получаетъ широкое распространеніе въ массахъ и отравляетъ духовную жизнь. Разумѣемъ, напр., надѣлавшую въ послѣднее время столько шуму трагедію Андреева „Анатема“. Ничего, кажется, безобразнѣе этой пьесы нельзя представить. Андреевъ—это хулитель Бога,—онъ проповѣдуетъ возмущеніе земли противъ неба. Земля страдаетъ, полна горя и слезъ, она жаждетъ жизни... Но Небо ко всему этому равнодушно. На землѣ торжествуетъ Анатема, т. е. діаволь, и вся жизнь челоуѣка есть одна какая то сатанинская игра. Небо, повидимому, должно наградить Давида (главное дѣйствующее лицо пьесы) за его любовь ко всѣмъ, за его благотворительность, его сочувствіе ко всѣмъ страдающимъ и изнемогающимъ въ борьбѣ. Но Давидъ обманутъ, надъ его любовью посмѣялось Пензвѣстное... Оно слишкомъ гордо, совершенно безучастно къ страданіямъ челоуѣка; оно обѣщаетъ безсмертіе, но это

<sup>1)</sup> См. Труды Кіев. Дух. Акад. Январь, 1910 г.



одинъ пустой звукъ. На землѣ празднуетъ свой пиръ Ана-тема. Въ своемъ безумствованіи Андреевъ хулитъ Бога и защищаетъ Анатому, который желаетъ обдегчить свою судьбу и печальную участь человѣчества, но не можетъ этого сдѣлать. Анатема, видите ли, по Андрееву, тоскуетъ по истинѣ, желаетъ заглянуть въ щелочку вѣчности, но ему въ этомъ отказываетъ „нѣкто, ограждающій входы“, и Ана-тема за это мститъ и раздираетъ землю своими когтями, хотя и любитъ челоуѣчество. Кто этотъ „нѣкто, ограждающій входы“, остается для насъ неизвѣстнымъ, но, судя по многому, это вообще вѣра, религія, частіе церковь, хранительница вѣры, или, еще частіе, Христосъ, Основно-ложникъ христіанской вѣры. Все это у Андреева какъ бы совмѣщается. Въ Евангеліи говорится объ искушеніи Христа отъ діавола, а у Андреева это евангельское повѣствованіе выступаетъ въ такомъ видѣ. Дикая, пустынная мѣстность, „кажъ бы склонъ нѣкоей горы, поднимающейся въ безпредѣльную высь... На половинѣ горы стоятъ огромныя, желѣзныя, наглухо закрытыя ворота, знаменующія собою предѣлы умопостигаемаго міра. За желѣзными вратами, угнетающими землю своею непомѣрною тяжестью, въ безмолвіи и тайнѣ, обитаетъ Начало всякаго бытія, Великій разумъ вселенной. У подножія вратъ, тяжко опершась на длинный мечъ, въ полной неподвижности стоитъ Нѣкто, ограждающій входы. Облеченный въ широкія одежды, въ неподвижности складокъ и изломовъ своихъ подобныхъ камню, Онъ скрываетъ лицо свое подъ темнымъ покрываломъ и Самъ являетъ собою величайшую тайну. Единый мыслимый, единъ онъ предстоитъ землѣ; стоящій на грани двухъ міровъ, Онъ двойствененъ своимъ составомъ: по виду челоуѣкъ, по сущности Онъ—духъ. Посредникъ двухъ міровъ Онъ словно щитъ огромный, собирающій всѣ стрѣлы—всѣ взоры, всѣ мольбы, всѣ чаянія, укоры и хулы“. Въ другомъ мѣстѣ Андреевъ называетъ Бога господиномъ этого „нѣкоего“

ограждающаго входы“. Анатема подступаетъ и проситъ открыть ему на мгновеніе тяжелыя врата и заглянуть въ вѣчность, но въ этомъ ему отказываетъ Нѣкто, ограждающій входы, и отсюда возникаетъ міровая трагедія.

Какъ все это кощунственно! Такъ ли можетъ быть разрѣшена великая проблема существованія зла въ мірѣ? Къ такимъ ли слѣдствіямъ можетъ приводить современный философскій агностицизмъ? По Андрееву зло (Анатема) желаетъ сдѣлаться добромъ, но ему въ этомъ отказываютъ, и выходитъ, что высочайшее абсолютное добро есть зло, а абсолютное зло—добро. Полная дѣйствительно переоцѣнка цѣнностей! Вѣра, которую живетъ человѣчество (несчастное и глупое человѣчество), есть звукъ пустой, одинъ обманъ и Анатема правъ, когда требуетъ все узнать, все измѣрить и взвѣсить, въ чемъ ему отказано. Много было пессимистовъ, но такого нелѣпаго пессимизма, который считаетъ Абсолютное „великимъ разумомъ вселенной“ и въ тоже время отвергаетъ всякую разумность въ его дѣйствіяхъ, мы не знаемъ. Вся трагедія жизни возникаетъ на почвѣ борьбы вѣры и этого „анатемскаго“ холоднаго разсудка, и Анатема совершенно правъ: вѣра обманъ и напрасно стоять неподвижъно эти „желѣзные ворота“.

Такимъ ли наглымъ кощунствамъ надъ вѣрою должна служить художественная литература? Подъ вліяніемъ упадка вѣры и вообще идеальнихъ принциповъ само искусство дѣлается ни куда не годнымъ. Люди серьезные нынѣ жалуются, что въ области такъ называемой художественной литературы нечего читать. Все какія то пошлости и пошлости!... А между тѣмъ „служеніе искусству... является источникомъ... моральнаго подъема и вдохновенія. Здѣсь въ области искусства, въ благоговѣйномъ созерцанія красоты, или въ стремленіи создать новыя, болѣе совершенныя, формы для ея выраженія, индивидуумъ находитъ средства для

свободнаго проявленія своей внутренней жизни и для удовлетворенія его стремленій къ гармоніи и единству въ его опытъ. Предъ лицомъ красоты переживаютъ пріятное чувство свободы отъ грубо утилитарныхъ идеаловъ и стремленій. Въ области искусства человекъ естественно поднимается выше грубаго воззрѣнія на вещи; онъ уходитъ изъ затхлой атмосферы обыденной жизни и рутины въ мысли и поведеніи въ болѣе возвышенную область, гдѣ вещи не оцѣниваются по ихъ грубой полезности<sup>1)</sup>.

Нашъ Андреевъ извергаетъ хулу па Бога, но онъ не отвергаетъ бытія Абсолютнаго. Въ его „Анатемѣ“ не одинъ разъ слышится социаль-демократическій мотивъ: „хлѣба, прежде всего хлѣба“, но онъ еще не додумался до того, до чего дошла современная социаль демократія. Последняя, получающая нынѣ такое распространеніе, является отчаяннымъ врагомъ не только религіи, но и всякихъ вообще высшихъ духовныхъ цѣнностей. Западнаго извѣстнаго ученаго Адольфа Гарнака никто, конечно, не можетъ заподозрить въ какомъ нибудь конфессіонализмѣ, но онъ ненавидитъ социаль-демократію всею душою. И это вполне понятно. Социаль-демократія, о чемъ мы имѣли случай уже не одинъ разъ говорить, подчиняетъ всѣ стороны жизни хлѣбу, экономикѣ; для нея не существуетъ хлѣбъ небесный, духовный, а есть только хлѣбъ земной. Для нея божество—это грядущее социалистическое человечество, устрояющееся „не только помимо Бога, но и противъ Него“. Отвергая религію, она сама желаетъ стать религіею. Ужасомъ, холоднымъ мракомъ могилы для человечества вѣетъ отъ этой „религіи безъ Бога“. Тутъ всякія высшія духовныя цѣнности игнорируются и ничего впереди, кромѣ „вавилонской башни человѣческаго матеріальнаго счастья“, а въ настоящемъ—душу наполняетъ страш-

<sup>1)</sup> *Л. А. Лейтокъ, Исусъ Христосъ и современная цивилизація. Переводъ К. Фаминскаго, С.-Петербургъ, 1909, стр. 45—46.*

ная злоба и ненависть къ буржуазной культурѣ. Хотите спасти не только религію, но вообще духовныя цѣнности, боритесь съ этимъ истиннымъ бичемъ челоуѣчества, социаль-демократіею, ибо она разрушаетъ всё вѣчныя цѣнности духа. Даже тѣ, которые далеко не являются защитниками христіанства, о социаль-демократіи пишутъ. „Будущій (ея) богъ—это великій одинокій, стоящій на трупахъ миллионѣвъ, это властный, никого не любящій, но все подчиняющій... Человѣчество не можетъ все и всегда жить радостью служенія (этому)... грядущему богу. Оно временами начинаетъ сознавать, что это служеніе не утверждаетъ личности *каждого*, а погружаетъ *многихъ* въ небытіе, опустошаетъ души многихъ. Никогда не вызываетъ такого чувства лишь свободное служеніе вѣчнымъ не отъ міра сего цѣностямъ“<sup>1)</sup>. Страшно видѣть въ иррелигіозности признаковъ своей просвѣщенности. „Рано или поздно намъ придется понять, что заставило безумнаго искателя (у Нитше) тосковать по Богѣ“<sup>2)</sup>. Человѣчество не позволитъ, чтобы этотъ кошмаръ „религіи безъ Бога“, социалистическаго рая имъ овладѣлъ, ибо это было бы равносильно духовному самоубійству.

Отвратительная нагота, бессмысліе, безстыдство Андреевыхъ и социаль-демократіи легко вскрываются. Но есть нынѣ религіозное теченіе, которое, какъ будто, желаетъ укрѣпить христіанство въ нашей жизни, а въ сущности далеко не такъ. Оно стремится соединить христіанство съ язычествомъ, Бога христіанскаго и боговъ языческихъ, Голгофу съ Олимпомъ, культъ креста и культъ плоти. Такой синтезъ явится будто бы высшею ступенью религіознаго сознанія. Но невозможно примирять непримиримое. „Кое общеніе свѣту ко тьмѣ“ (2 Корин. 6, 14)?“ Дуализмъ духа и плоти устра-

<sup>1)</sup> А. Мейеръ, Религія и культура. С.-Петербургъ, 1909, стр. 13, 17. Въ общемъ это очень странная брошюра.

<sup>2)</sup> Ibid. 56.

няется не ихъ синтезомъ, а подчиненіемъ плоти духу, или преображеніемъ плоти. И Евангеліе нигдѣ не говоритъ о „святой плоти“, а учитъ о святости тѣла. Какъ бы сознавалъ это, всячески утончаютъ плоть и превращаютъ ее въ какой то метафизическій ноуменонъ, въ „духовную плоть“. Но что же тогда остается отъ желаемого синтеза духа и плоти? Удерживаются ли при немъ тезисъ и антитезисъ въ ихъ самостоятельности? Не подчиняется ли земля небу, какъ и должно быть?.. Обычно говорятъ, что „историческое христіанство“ враждебно относилось къ культурѣ, наукѣ, искусству, а отсюда и возникаетъ необходимость синтеза „духа и плоти“. Но много разъ уже разъяснялось, что „историческое христіанство не вмѣщается въ рамки аскетической, уединенной отъ міра святости; вѣдь вполне очевидно, что историческое христіанство стремилось освятить исторію и общественность“ <sup>1)</sup>. Не нужно никогда забывать, что „Христіанство имѣетъ въ виду не одну только дѣйствительную социальную жизнь, не просто естественную или въ предѣлахъ этого міра протекающую жизнь индивидуума; Оно указываетъ на нѣчто, стоящее выше и внѣ этихъ границъ; Оно зоветъ человѣка къ высшей духовной цѣли существованія. Все поведеніе человѣка должно быть направлено къ достиженію этой цѣли. Наша жизнь должна быть преобразована въ высшую духовную форму жизни; цѣль моральнаго дѣйствія заключается въ томъ, чтобы создать новое духовное человечество: „должно намъ родиться свыше“; рожденное отъ Духа есть духъ. (Іоан. 3, 6) <sup>2)</sup>.

Таковы разнообразныя причины современнаго невѣрія. Что дѣлать?

Необходимо всячески распространять свѣтъ христіанскаго просвѣщенія, который можетъ изгнать тьму невѣрія.

<sup>1)</sup> „Религія и общественность“ въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1900, Іюль—Августъ, стр. 437.

<sup>2)</sup> *І. А. Дейтокъ*. Иисусъ Христіосъ и современная цивилизація стр. 49.

Учительная дѣятельность Церкви и православныхъ религіозно-просвѣтительныхъ обществъ должна быть нынѣ особенно напряженной и этой дѣятельности нужно всячески содѣйствовать и ее облегчать. Необходимо укрѣпить идеальныя основы жизни. Нужно безпочвенный космополитизмъ замѣнить здоровымъ національнымъ началомъ. Всячески нужно проявлять историческія основы христіанства и его вліяніе на жизнь человѣчества. Художественныя пошлости соціаль-демократическія утопіи должны быть всячески устранимы. Фактъ ужасающій, что рабочіе на бывшемъ недавно стѣздѣ противъ алкоголизма открыто вооружались противъ религіи и нравственности, какъ факторовъ народнаго оздоровленія. Вотъ плоды соціаль-демократическихъ идей! Намѣсто слова гнилого нужно дать слово здоровое, имѣющее въ виду назиданіе ближняго. Народъ жаждетъ духовнаго хлѣба, по его мнимые радѣтели вмѣсто хлѣба часто даютъ камень, въ формѣ разныхъ безбожныхъ и безнравственныхъ листовъ и брошюръ. Покаянныя слезы нѣкоторыхъ изъ нашихъ интеллигентовъ, когорыя они принесли въ сборникѣ „Вѣхи“, есть безъ сомнѣнія утѣшительный фактъ, говорящій о духовномъ отрезвленіи, и разобщеніе интеллигенціи отъ народа, его вѣрованій, чаяній и упованій, быть можетъ, начнетъ постепенно сглаживаться.

Мы уже раньше говорили, что съ особенною заботливостью нужно относиться къ нашимъ дѣтямъ и нашему вообще юношеству. Религіозно-нравственное воспитаніе должно быть положено во главу угла; добрая закваска будетъ давать себя чувствовать на всю жизнь. Нынѣ школа жалуетъ на семью, а семья—на школу, и есть безспорно основанія для жалобъ. Школа не должна, конечно, разрушать того хорошаго, что дала семья, но и семья не должна думать, что съ отдачею дѣтей въ школу ея роль окончилась и все недостатки дѣтей взваливать только на школу. Между семьею и школою должно быть взаимное содружество;

основы религиозно-нравственнаго воспитанія полагаются несомнѣнно въ семьѣ.

Вѣра, какъ психологическое явленіе, имѣетъ самостоятельное значеніе и ни чѣмъ другимъ не можетъ быть замѣнена. Вѣра христіанская есть актъ благодатный. Нѣкоторые изъ вѣрующихъ стали невѣрующими,— по указанной нами раньше причинѣ. Но еще чаще невѣрующими бываютъ потому, что никогда не вѣровали, никогда не пережили и не почувствовали сладостнаго акта вѣры. Наука о вѣрѣ, какъ совокупности извѣстныхъ религиозныхъ истинъ, одно, а актъ вѣры, какъ внутреннее переживаніе вѣры, другое. Наука о вѣрѣ предполагаетъ уже вѣру, которую проясняетъ и углубляетъ. „Вѣрую разумѣваемъ“ (Евр. 11, 3). А научиться вѣровать можно въ Церкви,—этомъ живомъ, благодатномъ единеніи душъ христіанскихъ. Здѣсь вмѣстѣ молимся, вмѣстѣ радуемся, вмѣстѣ плачемъ; здѣсь все—во Христѣ чрезъ Духа Святаго; здѣсь священная религиозная искра одного сообщается другому; здѣсь все горѣ имѣемъ сердца и благодаримъ Господа. Кто подлинно въ Церкви, кто охваченъ церковностью, ея духомъ, кто проникаетъ въ дивную мистическую сторону церковной жизни, тотъ не можетъ стать невѣрующимъ. А всемъ невѣрующимъ нужно сказать: идите, приобщитесь духу церковному!

Христіанское ученіе не можетъ быть замѣнено какимъ либо новымъ высшимъ ученіемъ и Церковь—вѣрная хранительница истины Христовой пребываетъ до скончанія вѣка. Въ этомъ находимъ бодрость, силу и крѣпость въ защитѣ вѣры противъ невѣрія, и всемъ врагамъ вѣры нужно сказать: „сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша“ (1 Иоан. 5, 4).

Д. Богдашевскій.